

Кричевский Андрей. Сила небытия: Метафизика за пределами онтологии. - М.- Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 591 с.

Обстоятельная книга А.В.Кричевского состоит из Введения, 7 глав, в каждой из которых ряд параграфов и подпараграфов, Заключение, Краткого словаря основных терминов и понятий, Zusammenfassung и списка цитированной или упомянутой литературы. Судя по названию, книга названа как бы в противовес Платону, который дал определение бытию как силе бытия. Здесь акцент сделан на идее небытия, которое, по мысли автора является созидающим началом для самого абсолюта в качестве Сущего (см. с.536). Монография является «логическим продолжением тематики» двух других, изданных в 2009 г. и 2011 г. в ИФРАНе и посвященных образам абсолюта в философии Гегеля и Шеллинга. Как объясняет автор, предлагаемая книга опирается на выводы, полученные в первых двух. Ими являются:

1) акцентирование двух позиций, обозначающие пропасть между гегелевской системой, которая выражает «бесконечность аффирмативного бытия», за пределами которого никакого иного – абсолютного - бытия не может быть, и системой Шеллинга, у которого речь идет об актуально бесконечном *можествовании*. Тем самым обосновывается структура монографии, повернутая от нового времени к позднему средневековью (к мастеру Экхарту и Николаю Кузанскому с его идеей возможности и к концепции С.Л.Франка).

2) «Можествование» Шеллинга понято как «бесконечная свобода абсолюта по отношению ко всякому, в том числе и его собственному, бытию», эта свобода – условие возможности свободы по отношению к иному бытию» (с.5). (Однако неясно, почему в книге вообще не задето христианское средневековье до XIII в. и то только в связи с И.Экхартом, для которого такое условие было предметом обсуждения у всех философов-теологов).

3) Концепция триединства абсолютного духа, развиваемая Шеллингом, ориентированная на описание условий возможности свободы абсолюта по отношению к сотворенному бытию, должна быть, по замыслу автора, осмыслена не только как бытие иным, но прежде всего, как бытие самим собой.

4) При ограничении концепции абсолютного духа лишь концепцией триединства ни инобытие, ни собственное его бытие «не могут быть осмыслены как результат свободного полагания» (с.6). Становится очевидным обращение к неоплатонической

концепции Единого (хотя не вполне ясны мотивы сближения неоплатоников и (назовем условно) поздних христиан.

Автор разворачивает проблемы метафизики аффирмативного бытия, проясняет понятие сверхбытийственной реальности у Франка, шеллинговскую интуицию абсолютного можествования как основу перехода к интуиции абсолютного бытия, анализирует первую гипотезу о Едином в диалоге Платона «Парменид» в контексте концепции «вечной теологии» позднего Шеллинга, обстоятельнейше описывает Экхартовы «условия снятия конечности человеческого духа и мистически-символического отождествления его с духом абсолютным» как «метафизический прорыв к абсолюту» (с. 353), представления о всемогуществе и бытии в метафизике Кузанца, определяет бытие абсолюта как перформативное высказывание о своем бытии, правда, ссылаясь при этом только на филологов, противопоставляет акт метафизического молчания как акт, свободный от метафизической интенциональности от соотносимого с бытием Бога Слова. Весьма любопытным представляется § 1 «Шеллинг об имени “Иегова” в гл. VII, который начинается с напоминания о том, что «свободный дух не может принять в качестве истины ничего, что не подтверждалось бы его собственным свидетельством». В философском мышлении таковым является умозрение. А потому «никакой текст, сколь угодно почтенный и освященный традицией... не может иметь... авторитета непререкаемого источника истины» (с.464, 465).

В Заключении автор выражает надежду, что ему удалось убедить читателя «в том, что интуиция актуально бесконечного можествования приводит умозрение к еще более актуальной интуиции абсолютного небытия и что Ничто как “субъект” этого небытия нельзя отождествлять с аффирмативным бытием. Раскрываемый им тезис таков: развернутое автором «понимание небытия еще не является окончательным, ибо оно само еще полностью принадлежит онтологическому измерению метафизики» (с.535). Для объяснения некоей незавершенности образа абсолюта, описанного в Библии, поскольку он не предполагает начала, автор считает необходимым допустить предшествующее «метафизическое событие более высокого порядка», каковым он считает «созидание абсолютом самого себя в качестве Сущего» (с.536). При этом для терминологического закрепления «дистинкции свободного полагания конечного бытия и свободного полагания бытия бесконечного» (с.537) предлагается использовать для конечного бытия термин «творение», а для бесконечного – созидание, т.е. свободное полагание самого себя «из ничего». Правда, это сразу же вызывает в памяти выражение «что в лоб, что по лбу» и нешуточное возражение, что из ничего создан конечный мир,

а о созидании абсолюта (даже не Живого Бога) речи нет. К тому же возникает вопрос, каков статус представления Бога как Не-Иного (Non-Aliiquid) Николаем Кузанским, каковое – не-иное – двойное отрицание, все же утверждающее бытие Бога.

Жаль также, что в монографии не использованы мысли В.С.Библера о мышлении Кузанца, где он определяет функции ума, понимания и разума в их различии и единстве. Книга Библера «Кант – Галилей – Кант», где Кузанец рассматривается как пограничная фигура между Средневековьем и Новым временем, не включена и в библиографию. Не проанализирована и полемика между С.С.Хоружим и М.Ю.Реутиным о смыслах идей неоплатонизма и христианства.

«Для философов. Теологов и всех интересующихся ключевыми проблемами, с которыми имеет дело мышление об абсолюте».

Революция как концепт и событие: монография. - М.:ООО «ЦИУМиНЛ», 2015.–184с.

Прежде всего: книга плохо выстроена и плохо отредактирована. Аннотация извещает, что она посвящена категории революции, «основательно изученной к 1980-м годам, однако нуждающейся в серьезном переосмыслении в связи с политическими событиями конца XX – начала XXI века». Под политическими событиями означенного периода подразумеваются «бархатные» и «цветные» революции, события «арабской весны» и др. Нигде далее - ни в аннотации, ни в основном тексте - не говорится ни о том, что цель книги – осмыслить Октябрьскую революцию 1917 г., 100-летие которой приближается, ни то, что именно эта революция была «основательно изучена» к 1980-м годам. Да и не была она «основательно изучена», ибо к 1980-м годам не было опубликовано и соответственно проанализировано множество источников, касающихся террора, уготованного России тоталитарного строя, развала социальных, правовых, научных институтов, попрания человеческих прав и свобод. Это сразу же наводит на сомнение в «основательной изученности» категории революции.

Книга, как о том свидетельствует и титул, и аннотация, носит статус монографии, что вызывает сомнения, ибо во вводной статье книга названа сборником, да и сами статьи – разнокачественные - продемонстрировали разные подходы и разный интерес к теме, стилистически разнородны, некоторые имеют весьма сомнительную привязку к философии.

Книга названа «Революция как концепт», и это притом, что авторы делают тождеством концепт и понятие (в книге так и записано: «сборник “Революция как концепт” посвящен *понятию* “революция”), и это притом, что эти термины теоретически дифференцированы (концепт как речевой акт в диалоге, а понятие - как объективация неких общих черт предмета, и о том существует большая литература. Несмотря на заявку в книге не «рассмотрена взаимосвязь *понятия* «революция» с *категориями* «свобода», «справедливость», «разум», «воля», «история», «социальный прогресс», «эмансипация», «модернизация», «реакция» и др.» Впечатление, что идея этой взаимосвязи возникла в последний момент подготовки книги к печати, когда требовалась аннотация. Ибо кроме статей Б.Г.Капустина и М.М.Федоровой не только о взаимосвязи, но и просто о терминах речи нет. Хотя сам по себе этот перечень настраивает только на положительную волну, поскольку действительно пора все это проанализировать во имя уничтожения, например, тождества любви и ненависти («лучшее дело любви это ненависть», - писал один из учеников Н.И.Бухарина).

В книге очевидна стилистическая неряшливость, ибо вряд ли можно сказать, что «философские рассуждения ... Федоровой... хорошо иллюстрируют исследование... новой политической реальности *после Февральской революции Арушана Вартумяна и Татьяны Корниенко*» (с.5). Весь следующий абзац также пестрит такого рода двусмысленностями, не говоря уже об «интеллектуалах различных ... социальных идентичностей» или о «взвешенном взгляде на исследуемое понятие» (с.5).

Книгу реально «делают» три статьи: Б.Г.Капустина (хотя в ней чувствуется «искусство кройки и шитья»), М.М.Федоровой и И.К.Пантина, которые проблемны, остры и обдуманно. Три раздела книги базируются именно на этих статьях. Первый раздел – «Революция как концепт», второй – «Революция и логика истории», третий – «Революция в российском контексте». В каждом разделе по четыре главы-статьи со своими авторами со своими концепциями.

Капустин в главе I раздела I определяет революцию как «особый вид историко-политической практики – с атрибутами “случайности”, “свободной причинности”... спонтанного появления дотоле неизвестных форм идентичности и субъектности коллективных акторов... это есть тезис против общей теории революции, ее претензий на способность объяснять и предвидеть революции» (с.6). Революция, с его точки зрения, - это «современное событие, определяемое возникновением и (последующим) исчезновением политической субъективности» (с.7). Ставится теоретический вопрос, «является ли революция атрибутом Современности или только ее прологом, тем, что

ввело ее в историю» (с.10). По мысли Капустина, революция является имманентным структурным моментом Современности, перманентной революцией в общей ее нереволуционности. Автор, подчеркивая «деятельно-практическое отношение к прошлому», полагает, что настоящая действительность прошлого - это тот вид, в каком прошлое живет в настоящем (с. 11), что «"запущенное" революциями на заре Нового времени современное общество является настолько динамичным, что новые революции ему уже не нужны», ибо «оно имманентно революционно» (с.13), т.е. «работает» в ритме модернизации и свободы. Мысль о том, что революция никогда *не* начинается против существующей государственности или с борьбы за свободу, а начинается с «рассредоточенных сопротивлений конкретным явлениям угнетения» (с. 27), очень своевременна. Здесь показывается способ получения единого смысла и единой направленности противостояния существующему режиму (см. с. 27). Но этот смысл меняется в зависимости от его понимания, отношения к нему, рождая противоречивое отношение к революциям. Этим Капустин объясняет их перекалфикацию, например, перекалфикацию леволиберами Октябрьской революции 1917 г. в большеви-стский переворот (с. 27).

Статья А.Б.Баллаева «О революциях будущего» резко и бездоказательно антилиберальна. Автор декларирует, что «либералы преподносят коммунизм как некий антицивилизационный тоталитарный праксис» (с.46), а потому «социалистических революций в XX в. меньше, чем того хотелось бы» (с.47). С такими желаниями трудно согласиться особенно в начале XXI в., когда проявились заново – притом в разных частях мира – имперские или религиозные амбиции.

Во втором разделе М.М.Федорова сделала попытку разделить время истории и время политики. Понятие «революция» она рассматривает как пограничное понятие, «сформированное на стыке двух типов опыта, двух типов рефлексии, исторической и по-литической» (с.80). В этой главе, как и в главе Капустина, введено понятие свободы, возникающее именно в междоусобице политического и исторического, где происходит выбор, «как творческое начало человеческой жизни. Жаль только, что к обоснованию жесткого диалога политического и исторического не привлечены книги «Пути России. Новый старый порядок – вечное возвращение» и «Государство, общество, управление», в которых М.М.Федорова принимала участие и где анализировались (в других статьях) проблемы выбора, свободы, истории и пр. (Эти книги, кстати, не указаны и в библио-графии к книге). Статья А.Г.Глинчиковой «Логика развития европейских революций XVI – XIX вв.» посвящена анализу революционных действий

от протестантизма, не перерос-шего в трансформацию политической власти, через нидерландский национально-освободительный вариант гражданского изменения к промышленному и гражданскому трансформированию общества в Германии и России (статья могла бы быть весьма интересной, не носи она конспективный характер). Этот раздел завершается статьей Г.Г.Водолазова «Между реакцией и революцией (Чернышевский и Герцен: послание по-томкам)», которая явно подверстана к теме сборника. Автор главы, весьма своевременно вспоминает слова А.И.Герцена о том, что «враги наши никогда не отделяли *слова* и *дела* и казнили за *слово* не только одинаким образом, но часто свирепее, чем за *дело*» (с. 121).

Третий раздел открывается главой-статьей И.К.Пантина «Социально-экономические истоки Русской революции», цель которой показать родословие Русской революции (заглавная буква, очевидно, призвана показать ее перманентность), без знания которого, а именно без понимания «мысленно заданного, как правило, западноевропейского, типа поступательного прогресса, который трактовался как своего рода “исторический закон”», «Русскую революцию, в особенности Октябрь 1917 г., легко квалифицировать как “падение в пропасть”, “торжество бесовщины”, “конец русской истории”...» (с. 122). В силу особенностей капиталистического развития России, рождавшего пролетариат, но и воспроизводившего «крепостнические пережитки в российской деревне» (с.130), «все направления русской политической мысли – либерализм, народничество, марксизм – не могли иметь непосредственного социально-политического значения. Они были скорее, по мнению Пантина, производными от европейских политических доктрин того времени», но развивались в русле двух утопий: 1) либеральной веры в самодержавие, от которого надеялись получить политические свободы, и 2) «иллюзорно-ложной» веры в народничество (с.131), при одновременной «идеализации плебейско-пролетарской массы» (с. 131). Способ перехода к необходимой «догоняющей» модернизации России оказывался непредсказуемым. Случай с Октябрем и был именно таким непредсказуемым случаем, в результате которого была воспроизведена старая схема перевода общественного развития на другие рельсы – «сверху» произведено то, что начиналось как «революция снизу». Став в результате «революции снизу» владельцем помещичьей земли и приведя к власти большевиков, крестьянин в результате «революции сверху» стал наемником государственной земли и зависимым от партийных и советских чиновников (с. 132). Вот это использование «революции снизу» для осуществления «революции сверху» и было той теоретической хитростью, способствующей победе большевиков.

А.А.Вартумян и Т.А.Корниенко посвятили свою главу-статью, буквально пристегнутую к теме, конкретным структуро-образующим основам новой политической реальности, формирующейся после Февральской революции 1917 г. на материалах Север-ного Кавказа. Возможно, это было бы уместно в сборнике, посвященном тому, как пере-страивалась или «подгонялась» старая Российская империя к новым условиям, но не в книге, которая замысливалась как философски-теоретическая. Статья Д.Э.Летникова, обосновывая понятие революции 1991 г., где «имели место фундаментальные изменения в самых разных сферах общественной жизни», сопровождавшиеся «дисфункцией старых институтов» и кризисом государства (с. 151), носит скорее публицистический, чем теоретический характер и несет в себе черты спешки.

Книга предназначена всем интересующимся анализом последствий Октябрьской революции 1917 г.

Феллер В.В. Шестоднев внутри четвертого дня. Опыт «фрактально-исторического прочтения трех первых глав Книги Бытия. – Саратов: «Новый ветер», 2016. – 332 с.

Автор считает свое исследование, «возможно, меняющим само основание современного научного мировоззрения на всемирную историю». Задача его в том, чтобы, «оставаясь философом, войти в сферу компетенции теолога-экзегета, феноменологически погрузившись в стихию его мышления» (с.5). Методологически такая задача связана с отказом от идеи единой рациональности, что предполагает обращенность к Другому при стремлении к взаимопониманию. Автор называет свое толкование упомянутых глав Библии «свободным исследованием», в основе которой лежит «фрактально-историческая герменевтика» (с.9). Он выдвигает гипотезу, «согласно которой Библия является самораскрывающейся фрактальной структурой, воспроизводящей ту же самую структуру, в которой закодировано и само бытие» (с. 12). По мнению автора, Библия имеет структуру фрактала – с бесконечной последовательностью мотивов, повторяющихся внутри других мотивов на разных масштабах. «Фрактализация бытия, давая динамичный закон и порядок, при этом оставляя свободу и произвол и уводя в бесконечность, уберегает нас, а, возможно, и самого Бога, от вызывающего, в конце концов, скуку исчерпывающего познания вся и всего» (с.17). Хотя последнее высказывание – субъективно и неточно, ибо познание вызывает скуку далеко не у всех, а исчерпывающего нет вообще, оно интересно тем,

что в нем ставится вопрос о смысле веры и изъяне внутри научного познания, не всегда умеющего показать границы знания/незнания, возможности, собранные на этих границах и размытости, неочерченности возможностей понимания.

Одна из задач, стоящих перед современным знанием – вернуть точность понимания и употребления тропов (автор в основном пишет о метафоре), которыми являются самые строгие понятия, оказывающиеся иносказаниями перед лицом божественного, т.е. истинного знания, или значениями – перед лицом смысла, при попытках передать смысл. Автор подчеркивает значение библейских метафор, которые он считает «эффективными познавательными актами», а структура этого познавательного акта, «"угадавшего" порождающий принцип, становится подобием структуры самого Бытия» (с.35) и привязывается к хронологии всемирной истории.

Автор считает, что «значение библейской метафизики вытекает из первостепенного значения первобытной физики», из «естественного опыта, который основан, как он полагает, на трудовом опыте и взаимодействии человека с природой, книга которой состоит из таких кластеров, как «реки», «горы», «леса» и пр., которые становятся азбукой или кодами толкования священных текстов (с.49) и составляют *бытие как оно есть*. «Я есть» означает не только «я мыслю», но и «я дышу», «живу» и «ощущаю» - это и есть взаимозамещаемые метафоры.

Опыт толкования Шестоднева, сопоставляемый с опытом толкования истории суфия по повести Абу Бекра ибн Туфейля и опытом структурного толкования семи речей в диалоге Платона «Пир» (речи Федра, Павсания, Эриксимаха, Аристофана, Агафона, Сократа, Алкивиада), осмысляется через опыт толкования образа и подобия человека Богу, распределенного по шести актам драмы грехопадения. Смысл подобных сопоставлений в том, чтобы показать, что «процесс возникновения Вселенной является в священном мифе лишь приспособленным к пониманию “архаического человека” приложением к динамическому описанию некой универсальной программы, согласно которой происходит генезис любых систем, от индивидуальности Вселенной до человека как индивида» (с. 312). Разница же между научной и философской рациональностью в том, что научная рациональность исходит из признания неких объективных законов, которые на деле суть чистые абстракции, а философская рациональность, руководствуясь картезианским принципом «мыслю, значит существую», разрушив мышление, ибо основалась на чисто субъективном опыте индивида, вообще вытеснила из мышления все связанное с макрокосмом, и это стало причиной секуляризации и обесценивания коллективных мифов, верований и обычаев.

Книга предназначена философам, антропологам, культурологам и религиоведам.

Сафрански Рюдигер. Ницше: биография его мысли /Пер. с нем. И.Эбаноидзе. -М.: Издательский дом Дело, 2016. – 436 с.

Пятнадцать глав великолепного текста от автора, известного у нас по биографии «германского мастера» М.Хайдеггера. Несколько фрагментов. «Подлинный мир – это музыка. Музыка есть беспредельное. Если слышишь ее, ты часть бытия. Так это чувствовал Ницше... как снова ступить в чуждую музыкальную жизненную атмосферу – которая не дает покоя Ницше. Жизнь без музыки – такое бывает, но можно ли такую жизнь вынести?» (с.9). «Беспредельным может стать все – собственная жизнь, познание, мир; однако именно музыка настроена на беспредельное таким образом, что в ней ты «можешь выстоять несмотря ни на что» (с.16). «Богатейшая традиция говорит об индивидууме как о неделимом ядре человека. Однако Ницше уже в раннем возрасте начинает экспериментировать с расщеплением индивидуального ядра» (с. 17), называя себя «дивидуумом». Впервые о дивидуациях заговорил в XII в. Гильберт Порретанский... «... основная идея, которой придерживается Ницше, - это описанная Шопенгауэром под именем «отрицания воли» возможность трансцендирующего познания... освобождение из-под власти воли – граничащее с чудом событие, описанное Шопенгауэром как своего рода экстаз» (с. 47). «Философа создает мужество не замалчивать ни одного вопроса», - эти слова Шопенгауэра – путеводная нить книги.

История частной жизни / Под общей редакцией Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби. Пер. с фр. М.Неклюдовой. Т. 3. - М.: НЛО, 2016. – 720 с.

Филипп Арьес (1914 – 1984), один из представителей школы «Анналов», известен как историк повседневности. Русскому читателю он известен книгой «Человек перед лицом смерти», «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке», «Время истории». Эта книга была им задумана и подготовлена. Его друзья и соавторы предпослали ей как своего рода Предисловие вводное слово к семинару «К проблеме истории частного пространства», который был организован берлинским Институтом высших научных исследований. Понятие частного, считает Арьес, относится к разнородным состояниям и ценностям разных эпох. В данном случае речь идет о конце Средневековья, где «человек существует внутри системы коллективных, феодальных, общинных солидарностей», которая функционирует примерно так: индивидуум или семья солидарны с сеньориальной общиной, с линияжем, включены в вассальные

отношения, а потому их мир нельзя назвать ни частным, ни публичным в том смысле, который мы сегодня вкладываем в эти термины» (с.6). Человек был не тем, кем был, а тем, кем казался. Этому были подчинены и излишние расходы, и расточительность как результат осознанного выбора, и надменность, и бахвальство. Исследуются отношения двора и простонародья, между низшими городскими и сельскими слоями, выделяются признаки приватизации: «вежество», автобиографичность, вкус к одиночеству, дружба, утонченность, утилитаризация жилища. Признаками же публичности являются эквивалентность коллективной и государственной жизни и выполнении каждым публичной роли, из которой наиболее общей является роль жертвы.

Три главы книги написаны сотрудниками Арьеса. Глава 1 «Фигуры современности» принадлежит перу Р.Шартье, И.Кастана и Ф.Лебрена, глава 2 – «Формы приватизации» - Р.Шартье, О.Рануму, Ж.-Л.Фландрену, Ж.Желису, М.Фуазиль, главу 3 «Община, государство и семья: траектории развития и зоны конфликтов» написали Р.Шартье, Н.Кастан, М.Эмар, А.Каллам, Д.Фарб, А.Фарж. Заключение в книге принадлежит Р.Шартье, есть также примечания, библиография и алфавитный указатель.

Хайдеггер Мартин. Размышления II– VI.. (Черные тетради 1931 – 1938) / Пер. с немец. А.Б.Григорьева под научн. ред. М.Маяцкого. - М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. - 584 с.

Эти тетради, по словам издателя Петера Травны, не «афоризмы» как свидетельства «житейской мудрости», а «неприметные аванпосты – и арьергардные позиции» - в целостной попытке завоевания пути для начального вопрошания, которое в отличие от метафизического называет себя Бытийно-историческим мышлением. Несколько в : «О том, что философия в созидательном отдельном произведении и **только так** – так что она идет к вещам – вымалчивает... об этом Ясперс написал три тома халтурно и без знания предмета. И тем самым каждой дворняге и любому графоману вручается рецепт, как можно говорить о последних вещах философии» (с. 15 – 16). «Философствовать значит обходиться без лидера» (с. 25). «Нам нужно *выфилософствоваться из “философии”*» (с.27). «Труд – народ – дисциплина – государство – начало мира» (с.73). «*Какие организации и устремления определяют сейчас (декабрь 1933 г.) <деятельность> университета...*

1. Германское студенчество;
2. Союз германских доцентов (на стадии формирования);

3. Ведомство высшей школы при Имперских силах СА...
4. Национал-социалистический союз врачей;
5. Национал-социалистический союз юристов;
6. Национал-социалистический союз учителей...» (с.146 – 147).

«Если в силе «расы» (коренного жителя) заложена некая истина, то утратят ли, должны ли утратить немцы свою историческую сущность – отречься <от нее – дезорганизовать <ее> - или же им суждено довести ее до крайне трагического результата? Вместо этого плодят близоруких простофиль! (с.190)

После слов «лишь немногие, причем только мастера и уже давно созревшие, только обладающие базовым настроем и стилем могут руководить и положить начало действительному возмущению, которое не закончится «просто» руганью и лозунгами» (с.166) становится понятен иронический смысл названия книги Р.Сафрански «Хайдеггер: германский мастер и его время». Воспитанию и теоретизации национал-социализма посвящено множество записей 1932 г.

Кантерян Эдвард. Людвиг Витгенштейн / Пер. с англ. М.Шера. – М.: Ad Marginem Press, 2016. – 248 с.

Книга состоит из предисловия, десяти глав, посвященных связи между жизнью философа и философскими идеями «Логико-философского трактата» и «Философских исследований», избранной библиографии и благодарностей.

Книга начинается с опровержения мнения М.Хайдеггера, который одну из лекций об Аристотеле начал словами: «Аристотель родился, работал и умер», желая этим сказать, что биография философа к его философии не имеет отношения. Задача книги – «обрести равновесие между Витгенштейном-философом», который едва известен за пределами академического сообщества, «и Витгенштейном-интеллектуалом», жизнь которого «чрезвычайно интересна и осталась бы таковой даже в том случае, если бы до нас не дошли его размышления о языке, сознании, логике и математике» (с.9). Не случайно автор избрал эпиграфом книги слова из Дневника Витгенштейна: «Только из осознания уникальности моей жизни возникают религия, наука и искусства». Остальное надо читать, чтобы понять, почему при отсутствии «идейного доминирования» философии Витгенштейна еще при его жизни о нем возникали легенды, а в эпоху поп-культуры он превратился в поп-звезду, в «героя думающих людей», как его назвали в одном телешоу, и в героя романов.

Бёрк П. Что такое культуральная история? / Пер. с англ. И.Полонской под научн. Ред. А.Лазарева. 2-е изд. - М.: Изд. Дом ВШЭ, 2016. – 240 с.

Открывая книгу, ожидаешь определения того, что такое культуральная история. Автор довольно долго рассказывает, что эта история началась с К.Лампрехта, что в России она называется культурологией, на которую переориентировались преподаватели марксизма-ленинизма, что примерно так стали называть себя последователи великих историков «школы “Анналов”», предпочитавших называть себя историками ментальности цивилизаций, а после этого перечня сразу делит культуральную историю на 4 этапа (1. классический, 2. социальная история искусства, начавшаяся в 1930-е гг., 3) история народной культуры, начавшаяся в 1960-е гг. и 4. Современная «новая культуральная история», которая взята в кавычки.

Далее идет историографическое описание работ, принадлежащих, по мнению автора, «культуральной истории» (Я.Бурнхардт, Й.Хейзинга, Э.Панофски и др.), описание перехода от социологии к истории искусств, открытие проблем соотношения культуры и общества, понятия «народ» для того, чтобы – в разделе II «Проблемы культуральной истории» - перейти к описанию методов работы историков, принадлежащих к исследователям культуральной истории (анализ письменных источников, хронологических последовательностей документов, определение степени их достоверности, субъективное прочтение текстов, контент-анализ, дискурс-анализ, кейс-стади, марксистский анализ и др.). Лишь после 50 страницы определяется ожидаемое понятие «культура» как «унаследованные артефакты, товары, технические процессы, идеи, навыки и ценности» (с.52), лозунгом которой была «практика» (с.94).

Правда, даже это – широкое – понятие скорее понимается как антропология или психология, хотя подчеркивается ее центральное положение среди понятий в 1980-х – 1990-х годах, правда, чисто количественное, и это на с. 54 получает именование «культурального поворота» (очевидно, по аналогии с «лингвистическим»), в который включены исследования и по микроистории (с.72). Последнюю вывели в свет две книги «Монтайю» Э. Ле Руа Ладюри и «Сыр и черви» К.Гинзбурга, имевшие большой академический успех, о чем рассказывается в третьей главе. Первая из них дает портрет небольшой французской деревни, а во второй внимание автора сконцентрировано на фигуре мельника («история снизу», которого допрашивала инквизиция и который подробно отвечал на ее вопросы, раскрывая собственное видение космоса. В этом же разделе проведен обзор проблемы постколониализма и феминизма на основе книги «Ориентализм» Э.Саида.

«Новой парадигме» новой культуральной истории, симбиозу истории и антропологии, отличной и от старых (политических, экономических) форм истории и от интеллектуальной истории (где делается акцент на идеях, а не на ментальностях, предположениях или чувствах), посвящен раздел IV.

В этом разделе, наиболее теоретическом, проводится анализ идей четырех теоретиков – М.М.Бахтина, Н.Элиаса, М.Фуко и П.Бурдьё, у которых он выделяет в качестве основных четыре концепта: «голос» у Бахтина, «цивилизация» у Элиаса, «разрывы» у Фуко и «нужды» у Пьера Бурдьё. К сожалению, в этой главе есть фактические ошибки. Так, Бахтин не был «вдохновителем так называемой тартусской школы семиотики» (с.85 – 86), был критиком структурализма, как, впрочем, и критиком культуральной истории, которая для него была всего лишь традицией. Ю.М.Лотман, а именно он – вдохновитель тартусской школы – подошел бы сюда гораздо более.

Раздел V посвящен движению «От репрезентации к конструированию» с весьма интересными описаниями разнообразных «сценариев власти» разных времен и стран и конструирований «индивидуальных идентичностей», перформансов и ситуаций, анализом деконструкции. Надо, впрочем, отметить, что разделы V и VI занимают почти две трети книги, а VI «Что там за культуральным поворотом?», где ставится под вопрос будущее культуральной истории – более трети. Отмечаются такие темы культуральной истории, как политика, насилие, эмоции, восприятие, явно обозначающие поворот к старым темам истории. В Заключении автор ставит проблему кризиса самой идеи культуры (он ссылается на анализ «расовой культуры» Р.Фордом (с.218). Вывод, который завершает книгу, весьма скромный: «Хотя, от культуральных историков и невозможно ожидать разрешения современных проблем, *изучение культуральной истории может позволить людям думать над некоторыми из этих проблем более ясной головой*». Эта фраза действительно дает большой простор для раздумий и, главное, недоумений.

Можно несколько поправить рекомендации для читателей книги: она, разумеется, адресована всем интересующимся историей, антропологией, культурологией и литературоведением, представляя собой конспект или реферат определенного направления в истории. Надо, кстати, отметить, что собственно книга занимает 230 с., остальные 10 отданы рекламе.

Булл Малколм. Анти-Ницше / пер. с англ. Д.Кралечкина; научн. ред. А.Смирнов. – М.: Издательский дом «Дело», 2016. – 272 с.

В своей провокационной книге Булл старается избежать расставленных Ницше ловушек. Книга состоит из двух Предисловий (одно обращено к русскому читателю), Благодарностей и семи глав: «Филистерство», «Аньт-Ницше», «Негативные экологии», «Недогуманизм», «Экскоммуникация», «Котринтерес» и «Огромный зверь».

«Аргумент этой книги состоит в том, что решение Ницше, ни в коей мере не являясь завершением нигилизма, представляет собой всего лишь попытку его остановить. Исключая любой будущий обмен смысла на бессмыслицу, он исключает и любой будущий обмен бессмыслицы на смысл» (с. 10 – 11). Отвечая на вопрос, «почему же тогда нигилизм Ницше продолжает работать в качестве предельной философии воображаемого современности», автор предполагает, что «на Ницше не может быть гуманистического ответа, который бы увеличивал, а не уменьшал значение мира. Любая, более негативная, чем у Ницше, экология должна быть недочеловеческой, поскольку только там, где нигилизм переходит от нигилизма к провалу, он падает ниже досягаемости трансцендентальных аргументов, которые обращают бессмыслицу в смысл» (с.11).

Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного. - М.: Канон+РООИ, 2017. – 632 с.

Монография состоит из того, что называется «вместо введения», названного «Феноменология и проект бытия человека», трех разделов («Феноменология как возможностное и проектное знание человека», Бытие возможного в человеке как сфера исследования и проектирование», «Грани возможного бытия человека и виды онтологического проектирования»), того, что названо «вместо заключения «Еще раз о проектной миссии философа», восьми Приложений к разным главам и именного указателя. Первый раздел посвящен «аналитической реконструкции феноменологического подхода к формированию образа человека» (с.20), во втором раскрывается в плане феноменологии «содержание и способы построения таких возможных миров человека, как возможно-мыслимое бытие вообще» (с.20), в третьем дается «экзистенциально-феноменологическое обоснование субпроектов бытия человека» (с.21)

Судя по именному указателю, шесть имен определили направление книги: Н.А.Бердяев, В.В.Бибихин, Г.В.Ф.Гегель, Э.Гуссерль, И.Кант, Ж.-П.Сартр, конечно же, М.Хайдеггер и К.Ясперс. Книга и начинается с цитаты Сартра: «То, что сделали из человека, - это суть структуры, значащие ансамбли, которые изучают гуманитарные

науки То, что он делает, - это сама история, реальное преодоление этих структур в тотализующей практике. Философия существует на стыке. Практика является в своем движении полной тотализацией; но она всегда приводит к частичным тотализациям, которые будут в свою очередь преодолены. Философ – тот, кто пытается осмыслить это преодоление» (с.3). Попыткам понять содержание преодоления, собственно, посвящена книга, с чем связаны и идеи возможности и проекта. По словам автора, в попытках понимания преодоления человека и можно рассматривать «как многоступенчатый проект, намечающий в общих чертах поле его возможностей» (с.7). Проектная философия – это показ «возможностей самопреобразования человека», раскрываемые в «предметной деятельности, общении, познании» (с.7).

Исследование направлено на определение статуса феноменологии как возможностного и проектного знания о человеке. Проводится реконструкция разновидностей онтологического проектирования (экзистенциальный проект, проект миро-бытия, проект со-бытия «Я – Другой», трансперсональный проект).

Задачу философского раскрытия проектной миссии философа Ю.М.Резник видит в том, чтобы превратить философию, по слову Канта, в «мировое понятие», позволяющее ей стать строгой наукой, превратив тем самым философа в «законодателя разума» (с.512 – 513). При этом выделяются метафизическая, эмансипаторская, проектная, коммуникативная, образовательная и терапевтическая функции философии.

Книга предназначена «для исследователей и преподавателей, аспирантов и студентов, специализирующихся в области философии человека и философской антропологии».

С.С.Неретина

Философ и Наука. Александр Павлович Огурцов / Отв. Ред. С.С. Неретина. М.: Голос, 2016. – 538 с., илл.

В книге, посвященной памяти выдающегося российского философа Александр Павловича Огурцова (1936-2014), участвуют его друзья, коллеги и ученики, с кем ему было свободно жить и мыслить. Философия для А.П. Огурцова представляла предельный способ отношений человека и мира, тематизацию смыслов такого отношения к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому. Особое внимание

он направлял на философию науки, которая, как пишут некоторые его друзья, близко не напоминала позитивистской универсальной систематики, которую сегодня переоткрывают заново и заставляют учить студентов, магистрантов и аспирантов. Главным было чувство «материкового слоя», фундаментального исторического залегания любого научного знания, выражающего себя в логике, которая может быть открыта только философу и закрыта для систематизатора. Образ мысли А.П. Огурцова был образом его жизни – не случайно многие статьи посвящены именно его бытию философом.

Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 344 с.

Новая книга проф. Н.С. Розова включает очерки с широким тематическим разнообразием: платонизм и социологизм в онтологии научного знания, роль идей в социально-историческом развитии, механизмы эволюции интеллектуальных институтов, причины стагнации философии и история попыток «отмены философии», философский анализ феномена мечты, драма отношений философии и политики в истории России, роль интеллектуалов в периоды реакции и трудности этического выбора, обвинения и оправдания геополитики как науки, академическая реформа и ценности науки, будущее университетов, преподавание отечественной истории, будущее мировой философии, размышление о смысле истории как о перманентном испытании, преодоление дилеммы «провинциализма» и «туземства» в российской философии и социальном познании.

Пестрые темы объединяет сочетание философского и макросоциологического подходов: при рассмотрении каждой проблемы выявляются глубинные основания высказываний, проводится рассуждение на отвлеченном, принципиальном уровне, которое дополняется анализом исторических трендов и закономерностей развития, проясняющих суть дела.

В книге используются и развиваются идеи прежних работ проф. Н.С. Розова, от построения концептуального аппарата социальных наук, выявления глобальных мегатенденций мирового развития, («Структура цивилизации и тенденции мирового развития» 1992), ценностных оснований разрешения глобальных проблем, международных конфликтов, образования («Философия гуманитарного образования», 1993; «Ценности в проблемном мире», 1998) до концепций онтологии и структуры истории, методологии макроисторического анализа («Философия и теория истории.

Пролегомены», 2002; «Историческая макросоциология: методология и методы», 2009; «Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке», 2011).

Книга предназначена для интеллектуалов, прежде всего, философов, социологов, политологов, историков, для исследователей и преподавателей, для аспирантов и студентов, для всех заинтересованных в рациональном анализе исторических закономерностей и перспектив развития важнейших интеллектуальных институтов – философии, науки и образования – в наступившей тревожной эпохе турбулентности.

Смирнов А.В. Событие и вещи. – М.: Садра: Издательский Дом ЯСК, 2017. – 232 с.

Книга отвечает на вопрос: как возможна концептуализация базового элемента языка как «харфа», которая была развита в арабской языковедческой традиции (АЯТ), начиная с VIII в.? Показано, что харф не может быть адекватно истолкован через категории европейского языкознания – фонема, гласный, согласный, буква и т.п. Непротиворечивое объяснение положений АЯТ о харфе возможно только на основе логики процесса, а не субстанциальной логики. Поставлен вопрос о метафизике расщепления события универсальности научных истин и их соотношении с действительностью в свете метафизики события-и-вещи.